

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.031

Д. Г. Смирнов

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ УНИВЕРСУМА В КЛИОСОФСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Анализируется содержание основных философско-исторических концепций XX века в контексте процессов глобализации. Определяется место теории ноосферной истории в современном клиософском дискурсе.

Ключевые слова: Большая история, глобальная история, универсальная история, интеллектуальная история, ноосферная история, клиософский дискурс, системный подход, универсумный подход.

The content of the basic cliosophy conceptions of XX century is analyzed in the article. The place of the noospheric history model in the modern cliosophic discourse is determined.

Key words: Big history, global history, universal history, intellectual history, noospheric history, cliosophic discourse, system approach, universum approach.

Историософия начала XXI века находится в состоянии интеллектуального поиска новой парадигмы истории. Гуманитарная наука адаптируется под изменяющиеся условия становящейся глобальной социальной среды — расширяющееся пространство, ускоряющееся время.

Эпоха истории «плана выражения», «истории Материи», «истории субстанциальной», задача которой заключалась в реконструкции фактологической ткани истории и определении так называемых альтернатив исторического развития, остается в прошлом. На первый план выходит (если говорить используя семиотическую терминологию) история «плана содержания», позиционирующая себя как «история Духа», «история реляционная», пытающаяся узреть за стохастическими вариациями исторического процесса единое упорядочивающее начало, системоорганизующее свойство, концепт истории.

Феномен ноосферной истории требует определения своего места и статуса в системе современной философии истории. Цель настоящей статьи подкрепить «эмпирическое обобщение» ноосферной истории (см.: [22—28]) категориальным дискурсом анализа проблемы — раскрыть место универсумно-ноосферной постнеклассической системы разума о разуме.

Основные категории постнеклассической философии истории

Современное общественно-гуманитарное знание, вслед за естественно-научным, входит в категориальное поле новой, возможно постпостнеклассической, научной картины мира. Возникают новые научные понятия и категории, фиксирующие изменение представлений человека о мире и собственном месте в нем. Меняется и цель осмысления исторического процесса — человек

© Смирнов Д. Г., 2012

2012. Вып. 2 (12). Философия •

осознает ограниченность причинно-следственной модели оценки истории, вырастающей на базе классической и неклассической научных картин мира. В рамках постнеклассического моделирования истории гораздо более важным становится вопрос об организации (самоорганизации) исторического процесса, роли и месте в нем «стороннего» наблюдателя, метаальтернативах глобализирующейся истории.

Современный клиософский дискурс изобилует большим количеством категорий, претендующих на статус «универсального объяснительного эталона». В ряду наиболее разработанных понятий можно назвать такие, как «Большая история» (*Big History*) (Д. Кристиан) [35, 36]¹, «новая мировая история» (*New World History*), «энвайроментальная история» (*Environmental History*) (Дж. Р. МакНилл) [40], содержательно близкое к последнему «зеленая история» (*Green History*) (К. Понтинг) [42], «глобальная история» (*Global History*) (В. И. Пантин) [16, 17]², «универсальная история» (А. П. Назаретян, А. Д. Панов) [11, 13, 15]³, «информационная история» (Н. Н. Моисеев) [7], «интеллектуальная история» (*Intellectual History*), «планетарная история», «ментальная история» (*Mental History*), «тотальная история» (школа «Анналов»: М. Блок, Л. Февр, Л. Леви-Брюль, Ж. Ле Гофф). Заметим уже здесь, что абсолютное большинство понятий в приведенном ряду отсылают нас к зарубежной традиции, которая позиционирует себя прежде всего как «подлинно аналитическая», противостоящая идеологизированным телеологическим версиям.

Примером блестящего историографического анализа ведущих современных философско-исторических концепций может служить труд Л. П. Репиной [20], которая осуществляет небезуспешную попытку создания «большого» пространства моделей философии истории в отечественной и зарубежной традиции, хотя из фокуса ее внимания и ускользают некоторые историософские теории. Отдельные замечания по поводу соотношения основных категорий современного философско-исторического дискурса, который может быть выражен в формуле «История глобализации и Глобализация истории», встречаются в работах А. П. Назаретяна, М. А. Кукарцевой.

Несмотря на то что логико-категориальная проблематика уже получила освещение в научной литературе, мы считаем необходимым кратко остановиться на ряде моментов понятийно-содержательного плана, без обращения к которым невозможно дальнейшее изложение концепции «ноосферной истории». Главным вопросом в данном контексте становится вопрос об определении места ноосферной истории, отсылающей к опыту отечественной философии истории и историософии, в и без того перенасыщенном ряду категорий современной философии истории⁴.

Появление новой клиофилософской терминологии свидетельствует о попытке фундаментализации и онтологизации истории человечества, поиске новых закономерностей его развития в контексте синергетических представлений о социоприродной и биосферно-ноосферной самоорганизации. Эти

¹ См. также: [41, 43, 45].

² См. также: [18].

³ См. также: [8, 10].

⁴ При этом мы намеренно оставляем в стороне внутриисторическую полемику по поводу более частных категорий историографии и философии истории, ибо она, с одной стороны, избыточна в рамках нашего анализа, а с другой стороны, получает полноценное освещение в работах современных историков.

попытки уже обозначили себя в современной отечественной и западной науке, где в последние десятилетия резко возрастает число ученых, которые разрабатывают новые макроисторические модели.

Главной отличительной чертой этих разработок становится то, что выполнены они преимущественно в рамках частнонаучной методологии: интерпретации исторического процесса осуществляются через контекст геологических, биологических, физических, кибернетических, этнографических и других подходов. Это позволяет искать пути «сильного синтеза», всестороннего охвата социоприродного всеединства, выявить ту нить, которая связывает воедино все частнонаучные модели человеческой истории.

В целом главная проблема современного исторического знания далека от своего окончательного решения. Обилие терминов и понятий ставит в тупик даже выдавших виды исследователей. В силу этого, в первом приближении необходимо определиться с основными понятиями, ибо некоторые из них синонимичны, а потому и избыточны, в том числе и классические понятия, наполненные новым содержанием (неклассическим и постнеклассическим). Такими в современном историографическом дискурсе, по мнению Л. П. Репиной, являются термины «глобальная история» и «новая мировая история» (хотя, как мы увидим далее, и здесь есть свои нюансы); одновременно автор выступает против отождествления «истории идей» и «интеллектуальной истории», «всемирной истории» и «всеобщей истории». С точки зрения А. П. Назаретяна, правомерно отождествление понятий «Большая история» и «Универсальная история». В этом отношении интенция, имеющая место в исторической и клиософской науке, понятна и оправданна, научный подход, актуализируемый «бритвой Оккама», требует предельной четкости в определении основных категорий и, соответственно, предметной области всякой концепции философии истории.

Что такое Большая история?

Интерес к Большой истории обозначился в отечественной гуманитарной науке в конце XX — начале XXI века. На страницах ведущих российских журналов стали публиковаться переводные статьи ученых, исследующих социальную историю в универсальном контексте [6, 32, 34]. Эти публикации, несмотря на вариативную терминологию, были объединены в серию работ «по Большой истории». Интересно отметить, что в дальнейшем термин «Большая история» в отечественной традиции постепенно вытесняется «более понятным русскому читателю» синонимичным термином «Универсальная история», очевидно, предложенным самим А. П. Назаретяном⁵.

Как показывает А. П. Назаретян, «универсальная история (Big History) представляет собой интегральную модель эволюции Вселенной, которая связывает развитие общества, живой и неживой природы как последовательный взаимообусловленный процесс» [9, с. 5]. Разработка концепции Большой истории приходится на 1970—1990-е годы прошлого века. Она велась учеными из разных областей знания, работавшими независимо в Северной и Южной Америке, Австралии, Западной Европе и России.

В этом направлении изучения истории А. П. Назаретян объединяет сразу несколько трендов, использующих различные понятия для описания и

⁵ См. обоснование в статье А. П. Назаретяна: [9].

объяснения универсальных процессов в истории, а именно в западноевропейской науке распространены понятия «Cosmic Evolution» (*космическая эволюция*), «Big History» (*Большая история*), «Weltallgeschichte» (*история мироздания*), «Mega-historia» (*мегаистория*); в России утвердились термины «универсальный эволюционизм», «универсальная история».

Пафос размышлений А. П. Назаретяна показывает, что сама идея Большой истории вырастает не из гуманитарного, а из естественно-научного дискурса (можно сказать, даже того, что в российском образовательном пространстве скрывается за термином «концепции современного естествознания»⁶). Она действительно основывается на синергетическом представлении о природе исторического процесса. А. П. Назаретян отмечает, что «предпосылками для конструирования универсальной истории как цельной картины эволюционных процессов от Большого взрыва до современного общества послужили два ключевых достижения в науке XX века» [9, с. 10]. Во-первых, это релятивистские модели эволюционной космологии, а во-вторых, модели самоорганизации в открытых физических системах. Данные открытия, в свою очередь, привели к формулированию представления о «сквозных» векторах, или метатенденциях единого эволюционного процесса.

Российский физик А. Д. Панов толкует универсальную историю в формационном ключе. Он считает, что планетарная универсальная история, включающая историю биосферы и цивилизации, представляет собой последовательность исторических эпох и разделяющих их революций (см.: [13, 15]). При этом ученый продолжает традицию рассмотрения истории как последовательности сменяющих друг друга событий, в которых обнаруживается определенная закономерность. Научное открытие А. Д. Панова заключается в следующем: сопоставив временные интервалы между качественными скачками в эволюции природы и общества, он показал, что на протяжении миллиардов лет эти интервалы последовательно сокращались в соответствии со сравнительно простой логарифмической формулой (см.: [14]).

Генезис Большой истории: несколько слов об истоках проблемы

Как показывают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, формирование двуединого понимания истории — в широком и узком смысле — относится именно к середине XVI века: «В широком смысле история включала три компонента: священную, природную и человеческую историю. Эта широкая трактовка, по-видимому, впервые была предложена Жаном Боденом в работе “Метод легкого познания историй” (1566)» [21, с. 42]. Позднее такая методология была использована в трудах Т. Компанеллы, Ф. Бэкона, Т. Гоббса и многих других. «Лишь в конце XVIII в. в работах французских энциклопедистов эта схема начинает размываться, а в XIX в. “природная” и “священная” истории окончательно выводятся за рамки обсуждения» — отмечают ученые [там же].

В контексте рассматриваемой проблематики гораздо более значимым является обращение к творчеству К. Милье, который в 1551 году создает «Написание истории универсума вещей», где «вся совокупность историче-

⁶ Заметим, что в рамках учебного процесса подобный курс читается и Ивановском государственном университете, правда, его название несколько отличается — «Современные концепции естествознания» или «Современная научная картина мира».

ских нарративов делится на пять областей — история природы (*historia naturae*), история благоразумия (*historia prudentiae*), история правителей (*historia principata*), история мудрости (*historia sapientiae*), история литературы (*historia litteraturae*)» [там же]. Обратим внимание на фиксацию «истории благоразумия» и «истории мудрости», которые составляют «разумное» ядро человеческой истории.

По мнению Р. Смита, идея универсальной истории и, соответственно, сам термин впервые обнаруживают себя в творчестве французского гуманиста Франсуа Бодуэна (1520—1573), которому принадлежит труд «Учреждение универсальной истории и ее соединение с юриспруденцией» (1561). Как отмечает автор, уже потом идею универсальной истории воспринял Жан Боден (1530—1596) и развил ее далее, связав историю с физическими условиями географии [29, с. 56]. Очевидно, что термин используется здесь в формальном аспекте, указывая на универсальные механизмы развития отдельных пространств. Однако идея аналогичности, сопоставимости, сопряженности локальных процессов во всемирном контексте обозначает себя в науке задолго до осознания всемирного характера исторического процесса в XIX—XX веках.

Всемирная история как простое сравнение истории разных стран и народов противопоставляется всеобщей истории, претендующей на универсалистский статус, но при этом опирающейся на тот или иной вариант линейно-стадиальной модели исторического процесса.

Глобальная история как история глобализации

С точки зрения А. П. Назаретяна, «глобальная история» представляет собой модель, в рамках которой было установлено глубокое взаимовлияние геологических, биотических и социальных процессов [9]. В результате оформилось новое направление междисциплинарных исследований эволюции — глобальная история, основоположниками, которой он называет В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и Э. Леруа [9, с. 8]. В настоящее время традиция глобальной истории существует в нескольких вариациях [3, 44, 46].

Позволим себе заметить, что упоминание В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена в качестве основоположников концепции глобальной истории допустимо лишь в узком философско-историческом контексте. Глобальная история (от лат. *globus* — шар), «история Земли, рассматриваемая как последовательное образование, развитие и взаимодействие планетарных сфер, в процессе которых биота, а затем общество становились ведущими агентами преобразований» [9, с. 8], в содержательном плане обедняет истинное смысловое наполнение теорий В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. Глобальность как качество истории цивилизации — лишь одно из свойств планетарной эволюции, но не единственное и отнюдь не самое существенное.

Вместе с тем из исследовательского фокуса выпала фигура П. А. Сорокина, который по праву считается одним из отцов-основателей современной глобальной истории (см.: [1]). Особый интерес для нашей проблематики представляют его «Главные тенденции нашего времени», первоначально изложенные им в 1963 году в пленарном докладе XVIII Международного конгресса по социологии: «...во-первых, перемещение творческого лидерства

человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего типа культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового — интегрального — социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [31, с. 75].

Другой известный отечественный специалист по глобальной истории, В. И. Пантин, полагает, что, скорее, «глобальная история является тесным переплетением, взаимодействием различных, разошедшихся, дифференцированных линий, нитей развития человеческого рода, — подобно тому, как ткань является переплетением отдельных нитей, но представляет собой нечто принципиально новое по сравнению с их механической совокупностью» [17, с. 17]. Так, В. И. Пантин расширяет представление о глобальной истории указанием на ее «многоликость» и несводимость к одному основанию глобальности, раскрывая ее неклассический или даже постнеклассический потенциал.

По мнению Л. П. Репиной, если глобальную историю предпочитают связывать с процессами глобализации, то новая мировая история «темпоральных ограничений не имеет» [20, с. 202]. Главной задачей последней большинство специалистов считают «изучение взаимодействий между людьми, участвующими в крупномасштабных исторических процессах» [там же]. Аналогичным образом и глобальная история «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения» [там же].

Глобальная история, или новая мировая история, таким образом, — новая научная дисциплина, «которая опирается на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса с максимальным учетом разнообразия его составляющих и взаимосвязанности всех его локальных акторов» [20, с. 211]. Обратим внимание на словосочетание «структурная когерентность». Такая постановка проблемы позволяет говорить о том, что с точки зрения системного подхода глобальная история в познании и понимании истории останавливается на втором — структурном — уровне анализа истории как системы, что заужает постановку вопроса в контексте постнеклассической картины мира, в рамках которой и возникает новая мировая, или глобальная, история.

В итоге Л. П. Репина приходит к выводу о том, что современная версия глобальной истории «находит свое законное место в гораздо более продолжительной традиции всеобщей, или универсальной, истории» [20, с. 250]. Позволим себе не согласиться с автором в одном, но существенном аспекте. Всеобщая история ведет не столько к глобальной истории, пространственно и временно ограниченной второй половиной XX века, сколько к ноосферной истории.

Определенный интерес представляет модель «тотальной истории», концептуализирующаяся в трудах М. Фуко, который постулирует: «тема и возможность глобальной истории начинают понемногу исчезать, и мы видим, как проясняются весьма несхожие очертания того, что мы могли бы назвать тотальной историей». Ее замысел — «попытка восстановить формы единства цивилизации» [33, с. 12].

М. Фуко видит ограниченность глобальной истории в том, что она пытается все свести к одному: «Глобальное описание собирает все феномены —

принцип, смысл, дух, видение мира, формы совокупности — вокруг единого центра». Ей он противопоставляет тотальную историю, «которая разворачивается в виде рассеивания» [там же].

Именно концептуализация постнеклассики в научном, в том числе и историческом, познании вызвала к жизни теорию универсального эволюционизма и новую концепцию универсальной (Большой) истории человечества. По мнению Л. П. Репиной, и с ним можно согласиться, концепция универсальной истории «отнюдь не исчерпывает номенклатуры версий макроисторического анализа — и более того — не занимает среди них центрального места» [20, с. 215]. Это замечание крупного специалиста в историографии представляется значимым в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, оно свидетельствует о том, что теория универсальной истории в том виде, в котором она существует сейчас в трудах прежде всего Д. Кристиана и А. П. Назаретяна, не имеет потенциала к объединению в себе всех предыдущих исторических концепций⁷. Во-вторых, и это самое важное, центральное место в чреде макроисторических концепций свободно, на настоящий момент ни одна из моделей клиософского дискурса не может претендовать на данный статус. Возможно, мы ошибемся, но предположим, что это связано прежде всего с тем, что абсолютное большинство таких теорий носит структурный, а не концептуальный характер.

«История идей» versus «интеллектуальная история»

Особое место в типологии клиософских концепций у Л. П. Репиной занимает «интеллектуальная история», предтечей которой в XX веке была так называемая «история идей» (см.: [39]). Потенциал «истории идей», к сожалению, еще не осознан в полной мере. «Эта программа... осталась невостребованной, а точнее — вообще незамеченной», — пишет Л. П. Репина [20, с. 330]. В этом отношении представляют интерес размышления А. Лавджоя, во-первых, о «философской семантике» как одной из составляющих работы историка; во-вторых, о соотношении индивидуальных идей с коллективными мыслями больших групп людей.

Ограниченность концепции А. Лавджоя, и в первую очередь его методологии, которая, возможно, и привела к упомянутой выше неоченности его теории, заключалась, на наш взгляд, в том, что идейные комплексы были для исследователя лишь исходным материалом для создания максимально полной «биографии идеи», а философская семантика носила формалистский характер, т. е. предполагала лишь изучение ключевых слов и выражений, характерных для определенного исторического периода или идейного течения.

Эвристический потенциал рассматриваемой концепции связан как раз с семиотической методологией, правда, в ее более системном и «глубинном» варианте, а также с представлением о том, что можно было бы назвать коллективным интеллектом и что позднее было реализовано в «другого рода интеллектуальной истории». Эта интеллектуальная история связана с «исследованием *всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты*, — в долгосрочной исторической перспективе» [20, с. 334]. «Новая интеллектуальная история», как детище последнего времени,

⁷ А именно в этом заключается пафос работ самого Д. Кристиана и некоторых отечественных исследователей (см. напр.: [2, с. 186]).

«концентрирует свое внимание на феномене самого исторического текста (исторического нарратива), а также на проблеме репрезентации авторского текста и восприятия его читателем» [20, с. 337].

Л. П. Репина полагает, что будущее новой интеллектуальной истории связано с формированием «новой культурно-интеллектуальной истории», в которой главным предметом исследования будет «человеческая субъективность... в ее истинной целостности», соединяющая «категории сознания и мышления» [20, 339], что обусловит интерес к «историческим категориям мышления, интеллектуальной деятельности и продуктам человеческого интеллекта, а также к историческому развитию интеллектуальной сферы» [20, с. 342], включая мифологические, религиозные, философские, научные и художественные компоненты.

Именно в контексте культурно-интеллектуальной истории осуществляется попытка преодоления оппозиции между «внешней» и «внутренней» историей, историей идей и историей текстов. Эта проблема решается следующим образом: «Интеллектуальная история есть внутренняя сторона (the inside) культурной истории, а культурная история — внешняя сторона (the outside) интеллектуальной истории» [37, р. 1]. Подобная логика размышлений позволяет предложить отечественный, более сложный в гносеологическом плане, вариант прочтения рассматриваемой проблематики. Думается, имеет смысл говорить о «внутренней форме истории» (по аналогии с «внутренней формой слова» Г. Г. Шпета), что одновременно задает универсальный и семиологический дискурсы анализа.

Таким образом, значение интеллектуальной истории для философии истории в том, что она визуализирует реальную борьбу идей и интеллектуалов в контексте развертывания ноосферных и антиноосферных интенций, разума и безумия в истории. В результате можно говорить о «Малой» ноосферной истории (как способе целостного рассмотрения прошлого человечества, где основная задача — изучить все области прошлого, в которых сохранились его поддающиеся расшифровке следы, и придать им современный смысл средствами языка [38, р. 13—14]) и «Большой» ноосферной истории (как модели реконструкции концепта, или системообразующего свойства системы истории, на метаинтеллектуальном уровне, уровне «идей идей») ⁸.

В отечественной традиции «западная интеллектуальная история» получает свое оригинальное воплощение в междисциплинарной области, в советской историографии именованной «история общественной мысли», а в последнее время получившей название «интеллигентоведение». Эта предметная область включает в себя не только историю отдельных представителей науки, философии, религии и искусства — культуры в целом, но и анализирует духовные процессы, являющиеся системообразующим фактором современной истории [5, 30].

Таким образом, рассмотрение глобальной истории и «новой» универсальной истории, вызванных к жизни в первую очередь глобализационными процессами, обычно осуществляется в рамках аналитических подходов, сформировавшихся в западной философской традиции в XVIII—XX веках.

⁸ Микроприложением Большой ноосферной истории, вероятнее всего, можно считать «интеллектуальную историю неинтеллектуалов» Р. Дарнтон, которая сосредоточила свое внимание на том, «как люди постигают смысл окружающей действительности» [4, с. 348].

Проведенный анализ показывает, что изучаемые модели, рядоположенные в категориальной сетке постнеклассического историософского дискурса, основное внимание уделяют фактологическому плану истории, плану выражения, а в сфере методологии ориентируются на сугубо исторический подход, игнорируя потенциал семиотического подхода к исторической действительности. Недостаточность (даже ограниченность) такого подхода к истории наиболее отчетливо обнаруживается в контексте философских универсумных построений.

Как отмечают С. С. Неретина и А. П. Огурцов, следует иметь в виду «неоправданные отождествления, которые необходимо не только артикулировать, но и элиминировать до того, как определить границы глобализации...» [12, с. 964]. К числу этих отождествлений относятся, во-первых, «отождествление процессов глобализации с построением целостного мира, обладающего единым этносом, планетарной наукой и даже космическим мировоззрением» [там же]; во-вторых, «идентификация процессов глобализации... с агрессивной трансляцией ценностей западной культуры и цивилизации» [12, с. 964—965]; в-третьих, «отождествление глобализации с распространением ценностей американской культуры, которое влечет за собой исключение из сознания азиатских волн глобализации» [12, с. 965]; в-четвертых, диффузия «социальных норм (поведения и жизнедеятельности), цивилизационных способов регуляции совместной жизни людей (права и морали) и техник распространения культурных инноваций», которая принимается за универсализацию ценностей культуры [12, с. 967].

В завершении своего анализа авторы утверждают, что, «старая проблема универсалий рассматривается в совершенно новой перспективе — перспективе многообразия культур и цивилизаций и возможности выбора единственного, или универсального, пути развития в ходе взаимодействия различных локальных цивилизаций. Это принципиально новая плоскость рассмотрения глобализма как универсализма предполагает как выявление универсалий каждой из цивилизаций, так и осмысление ведущего вектора их взаимодействия и разнонаправленных движений, одно из которых понимается в качестве глобального» [12, с. 968].

Теория ноосферной истории в рамках современного клиософского дискурса

Проведенный анализ свидетельствует о том, что и теория универсальной истории, и теория глобальной истории, и теория интеллектуальной истории в том виде, в котором они существуют сейчас, в методологическом плане ориентированы на доминирование структурного и субстратного уровней описания и понимания системы истории, т. е. не носят доминантно концептуального характера.

В контексте данных рассуждений следует обозначить место ноосферной (концептуальной) истории в постмодернистском дискурсе. Очевидно, что ноосферная история не тождественна ни глобальной, ни тотальной. Ее задача заключается не в том, чтобы свести историческое многообразие к одному центру, к Единому, как это может показаться на первый взгляд при редуцированном понимании клиософских концепций. Она ничего общего не имеет с «диссипативной» методологией, предлагаемой М. Фуко и его единомышлен-

никами. Ноосферная история стремится увидеть, обнаружить следы Единого во множественности исторического бытия, и в этом смысле она востребует потенциал не дедукции, индукции и аналогии, считающихся классическими для гуманитарных исследований, а делает ставку на абдукцию (абдукционное чувство), о котором в свое время говорил Ч. С. Пирс.

Современная теория истории, претендующая на концептуальный статус в системе моделей философии истории, должна строиться на базе нескольких принципов, которые оказались разбросанными по различным философским теориям рубежа столетий. Необходимо признать, во-первых, темпоральную и топологическую относительность и открытость «новой истории»; во-вторых, несводимость «новой истории» к процессам глобализации, сколь бы широко она ни понималась; в-третьих, концептуальный характер «новой истории»; в-четвертых, имманентность антропологической и гуманистической, интеллектуалистической и интеллектибельной составляющих «новой истории»; в-пятых, главенство духовной истории над материальной.

Применение универсального подхода к представлениям о глобальной истории приводит к целесообразности введения термина «ноосферная история», смысл которого напрямую связан с универсальной линией в философии истории и вбирает в себя существенно важные смыслы проанализированных выше понятий, но обладает предельно выраженной концептуальностью, которая превосходит структурные и субстратные подходы к истории. В этом смысле Большая история предстает как субстрат исторического знания, глобальная история фиксирует многообразие отношений на уровне структуры, ноосферная история скрывает (раскрывает) важнейшее системообразующее свойство истории как сверхсистемы.

Библиографический список

1. *Василенко В. В.* П. А. Сорокин как основоположник современной глобальной истории // *Фигуры истории, или «общие места» историографии* : Вторые Санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб. : Северная Звезда, 2005. С. 19—22.
2. *Высокова В. В., Сосновский М. А.* Универсальная история в современной историографии // *Диалог со временем*. 2007. Вып. 18. С. 170—190.
3. *Голубев В. С.* Эволюция: от геохимических систем до ноосферы. М. : Наука, 1992. 110 с.
4. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. : НЛО, 2002. 284 с.
5. *Интеллектуальное поведение в системе гуманитарных наук* : исслед. и учеб.-метод. разработ. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 274 с.
6. *Кристиан Д.* К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // *Обществ. науки и современность*. 2001. № 2. С. 137—146.
7. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 224 с.
8. *Назаретян А. П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М. : Недра, 1991. 222 с.
9. *Назаретян А. П.* Универсальная (Большая) история: версии и подходы // *Ист. психология и социология истории*. 2008. № 2. С. 5—24.
10. *Назаретян А. П.* Универсальная история и синдром предкризисного человека // *История и синергетика : методология исслед.* М. : КомКнига, 2005. С. 139—163.
11. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. : Мир, 2004. 368 с.

12. *Неретина С., Орузцов А.* Пути к универсалиям. СПб. : РХГА, 2006. 1000 с.
13. *Панов А. Д.* Кризис планетарного цикла Универсальной истории // Вселенная, пространство, время. 2004. № 2. С. 28—34.
14. *Панов А. Д.* Сингулярная точка истории // Обществ. науки и современность. 2005. № 1. С. 122—137.
15. *Панов А. Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
16. *Пантин В. И.* Глобальное видение истории и современность // Филос. науки. 2004. № 7. С. 76—82.
17. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории : глобализация в историческом измерении. М. : Новый век, 2003. 276 с.
18. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна : Феникс+, 2006. 448 с.
19. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 432 с.
20. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
21. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания : учеб. пособие. СПб. : Алетейя ; М. : ГУ ВШЭ, 2008. 523 с.
22. *Смирнов Д. Г.* «Видеть или погибнуть»: П. Тейяр де Шарден в поисках ноосферной истории // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2012. № 4 (48). С. 142—148.
23. *Смирнов Д. Г.* Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2011. Вып. 2. С. 11—26.
24. *Смирнов Д. Г.* Живая ноосферная история : (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Там же. 2010. Вып. 2. С. 25—35.
25. *Смирнов Д. Г.* Незнакомый В. И. Вернадский: эмпирическая семиотика Вселенной // Там же. 2009. Вып. 3. С. 123—133.
26. *Смирнов Д. Г.* «Потом и опытом»: ноосферная история глазами Вяч. Вс. Иванова // Личность. Культура. Общество. 2012. Вып. 2 (71/72). С. 216—222.
27. *Смирнов Д. Г.* Семиотико-антропологическое измерение ноосферной истории: ноо-семиогенез в работах А. Н. Портнова // Неизреченное слово : мемор. сб., посвящ. проф. А. А. Портнову. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. С. 249—257.
28. *Смирнов Д. Г.* «Экология разума» Г. Бейтсона: поиски семиотических оснований ноосферной истории // Вестн. высш. учеб. заведений. Сер.: Гуманит. науки. 2011. Т. 2, № 4. С. 314—319.
29. *Смит Р.* История гуманитарных наук : пер. с англ. / под науч. ред. Д. М. Носова. М. : ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
30. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. 672 с.
31. *Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997. 351 с.
32. *Спир Ф.* Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Обществ. науки и современность. 1999. № 5. С. 152—163.
33. *Фуко М.* Археология знания. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
34. *Янч Э.* Самоорганизующаяся Вселенная : введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // Обществ. науки и современность. 1999. № 1. С. 143—158.
35. *Christian D.* Maps of Time: an Introduction to Big History. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2011. 642 p.
36. *Christian D.* This Fleeting World : a Short History of Humanity. Great Barrington : Berkshire Publishing Group LLC, 2007. 120 p.
37. *Kelley D. R.* Intellectual History and Cultural History: the inside and the outside // History of the Human Sciences. 2002. Vol. 15.

38. Kelley D. R. Prolegomena to the study of Intellectual History // Intellectual News. 1996. № 1. P. 13—14.
39. Lovejoy O. A. The Great Chain of Being : a Study of the History of an Idea. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1936. 393 p.
40. McNeill J. R. Something New Under the Sun: an Environmental History of the Twentieth-Century World. New York : W. W. Norton, 2000. 421 p. (Global Century Series).
41. McNeill R., McNeill W. H. The Human Web : a Bird's-Eye View of World History. New York : Maple-Vail Book Manufacturing Group, 2003. 350 p.
42. Ponting C. The Green History of the World: the Environment and the Collapse of Civilizations. New York : Penguin Books, 1993. 430 p.
43. Spier F. Big History and the Future of Humanity. Blackwell Publishing Ltd, 2011. 272 p.
44. Snooks G. D. The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change. London ; New York : Routledge, 1996. 491 p.
45. Stokes Brown C. Big History: from the Big Bang to the Present. New York : The New Press, 2007. 288 p.
46. Wood D. Five Billion Years of Global Change: a History of the Land. New York : Guilford Press, 2004. 336 p.

ББК 60.023

*М. А. Меликян***ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК НООСФЕРНЫЙ ГЕРОЙ ИСТОРИИ**

В центре внимания феномен интеллигенции, понимаемой как особое свойство и отношение к универсуму. Именно сущностное отношение к внутреннему и внешнему бытия обуславливает возможность рассмотрения интеллигенции в качестве ноосферного героя истории.

Ключевые слова: интеллигент, интеллигенция, системный подход, интеллигентность как свойство, интеллигентность как отношение, ноосферность, ноосферный человек, ноосферный герой.

The phenomenon of intelligentsia as a special property and attitude to the universe is analyzed in the article. The essential attitude to external and internal existence determines the possibility to view the intelligentsia as a noospheric hero of history.

Ключевые слова: intellectual, intelligentsia, system approach, intelligentsia as a property, noosphere, noospheric person, noospheric hero.

Лучше будет сказать, что интеллигент не мыслит свою интеллигентность, но дышит ею, как воздухом.

А. Ф. Лосев. Держание духа

Социокультурная реальность XXI века отчетливо показывает: «интеллектуальная история», понимаемая как история интеллигенции, становится существенно важным срезом мирового исторического процесса.

© Меликян М. А., 2012

• Серия «Гуманитарные науки»